



## РЕЦЕНЗИИ

**Adam Eberhardt, *Gra pozorów. Stosunki rosyjsko-białoruskie 1991–2008*, Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, Warszawa 2008, 268 с.**

Утверждать, что для Польши и поляков то, что происходит за восточной границей Республики, является – мягко говоря – важным и в значительной степени влияет на наше будущее, было бы трюизмом. Поэтому удивительно, почему книгу о российско-белорусских отношениях пришлось ждать столько лет.

Уже само ее название дает сигнал о том, как автор понимает сложную материю этих отношений. Формулировка «плохая игра» (польск. „gra pozorów” – видимость, хорошая мина в плохой игре. – *Прим. переводчика*) определяет здесь тип отношений, участники которых не желают прийти к каким-то прочным, удовлетворительным решениям, а стремятся «переиграть» партнера или – скорее – противника. Другими словами, автор желает убедить нас в том, что отношения между Россией и Белоруссией напоминают ту разновидность игры, в которой важнее ее зрелищность и демонстрация своей способности к блефу (рассматриваемой как цель, а не средство ее достижения), чем окончательная победа, которой на самом деле никто не ожидает. Как представляется, это точное восприятие реальности белорусско-российских отношений последних лет, а доказательством этому служат главы рассматриваемой публикации.

Книга традиционно открывается введением, в котором автор как раз выявляет такую своеобразную дихотомию российско-белорусских отношений, состоящих, с одной стороны, в стремлении к достижению состояния полного государственного суверенитета, а с другой – в постоянной игре

лозунгом интеграции (в данном случае билатеральной), но с присутствующей на заднем плане тенью советского наследия и выражаемым время от времени стремлением к созданию чего-то вроде нео-СССР.

На практике это выражается в рассмотрении таких считающихся существенными тем, как политические, торговые, валютные, энергетические и военные отношения. Заметим: сам Адам Эберхардт пишет, что созданная им картина отношений между обоими государствами неполна: «В намерения автора не входило изображение всей совокупности российско-белорусских отношений, а лишь представление проблем, ключевых для понимания управляющих ими механизмов. По этой причине решено опустить такие вопросы, как культурные контакты или трансграничное и научно-техническое сотрудничество. Их представление значительно увеличило бы поле исследования, не влияя принципиальным образом на достижение поставленной цели» (s. 8). Принимая это во внимание, позволю себе в связи с этим выразить легкое беспокойство: можно ли заведомо исключить из поля зрения те объединяющие российское и белорусское общества типы связей, которые явным образом влияют на создание настоящей общности между ними? Привлекательность лозунга интеграции между Россией и Белоруссией следует – по крайней мере так можно судить – не только из соглашений, заключаемых политическими элитами и их лидерами, но и из реального ощущения единства обоих обществ, являющегося следствием похожей системы ценностей, единого культурного и религиозного кода или общего видения собственного будущего. Хорошо было бы, если бы автор высказал отношение к этим проблемам, хотя бы указав на их второ- или третьестепенность для представленной здесь темы (например, предложив соответствующую литературу). Возможно, это не главное, но возникает новый вопрос: не повлияло бы ли это – и если да, то как – на окончательные выводы данной работы?

Первая глава рассматривает очень сложную тему белорусско-российских политических отношений после 1991 г. Автор счел необходимым помещение их в определенный историко-культурный контекст, посвящая по несколько страниц белорусскому национальному сознанию и языковой проблеме в Белоруссии. Он обратил внимание на повсеместное присутствие русского языка, играющего большую роль – и как раз по воле местного населения, чем белорусский

язык. Затем он обрисовал ход развития политических отношений в первый период независимости обоих государств – до 1994 года. Вкратце представлен процесс распада СССР, а также закулисье возникновения Содружества независимых государств. Он показал также двойственность, существующую в Белоруссии в связи с деятельностью части ее политических элит по реальной белорусификации и в то же время действиями посткоммунистической номенклатуры, стремящейся к воссозданию отношений с Россией в духе верности советским ценностям. Здесь интересно – особенно в контексте происходящих ныне на Кавказе событий – привлечение фамилий тогдашних российских политиков (Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, Борис Немцов), осуществлявших реальную власть и стремившихся придать изменениям в России прозападный характер. Автор очень занимательно рассматривает игру части российских политиков вокруг Белоруссии; ее результатом была поддержка выдвинутого на президентский пост Вячеслава Кебича, а не Александра Лукашенко. Думаю, напоминание о том, что Лукашенко был избран вопреки правившим в то время в Москве политикам, важно, чтобы осознать, откуда взялись – и берутся сегодня – сложности его поведения в отношении России и ее лидеров. Лишь через несколько месяцев после его избрания (между прочим, вполне демократического) окружение Бориса Ельцина начало замечать пользу, вытекающую из этого факта. Жесты Лукашенко перед лицом нарастающего экономического кризиса, направленные в сторону России, были замечены и оценены. Поэтому возник план возобновления формального союза обоих государств. В дальнейшей части работы автор нарисовал внутренний и внешний контекст действий, направленных на их реинтеграцию на фоне разнообразных обстоятельств, возникших в то время в обоих государствах.

Президентство Владимира Путина на практике означало переход в игре, направленной на воссоединение России и Белоруссии и в этот момент как можно более соответствующей названию книги, на более высокий уровень. Началась настоящая «плохая игра», в которой использовались разные карты, даже крапленые, а игроки прибегали к разнообразным трюкам. В этой игре казалось, что есть лишь один ведущий партнер – президент России. Риторика объединения стала вездесущей, но отношения между обоими государствами (а скорее между президентами) складывались все хуже. Россия

замедлила разработку проекта объединения с Белоруссией, сосредоточившись на построении структур, призванных в более широком аспекте объединить постсоветское пространство. В сентябре 2003 г. появилось Единое экономическое пространство, целью создания которого было осуществление намерений России интенсифицировать связи с Украиной Кучмы. Перспектива передачи власти в Киеве абсолютно пророссийскому политику отодвигала все связи с Белоруссией Лукашенко на задний план (s. 73). Однако «оранжевая революция» и параллельные события в Киргизии привели к улучшению российско-белорусских отношений и временному возврату благосклонности президента Путина к Лукашенко.

Автор с большим знанием дела представляет дальнейшие действия обоих партнеров. Президент Путин постепенно отказывается от субсидирования белорусской экономики, стремясь к переводу взаимоотношений на рыночные рельсы. Таким образом ограничивается сама идея Союзного государства, что, как представляется, совершенно не беспокоит Россию. Эта идея была слишком дорогостоящей для ее экономики, а положительные результаты представлялись очень иллюзорными. В мае 2006 г. на этом фоне развернулась своего рода «холодная война» между обеими странами, в которой проигравшей стороной выглядел белорусский лидер. Но принятая им тактика запугивания результатами его политического упадка, и прежде всего оттягивания времени и ожидания смены лидера в самой России, приносила некоторые плоды. А Путин тоже не хотел, несмотря на желание ограничить расходы на спонсирование белорусского государства, вызывать антироссийские настроения в белорусском обществе.

Адам Эберхардт, оценивая белорусско-российские отношения в период президентства Владимира Путина, выдвигает тезис о его стремлении «к преодолению прежней инерции и осуществлению реальных действий, направленных на подрыв кажущейся интеграции», а также признании им «банкротства концепции политической интеграции в рамках Союзного государства в такой формуле, которая была выработана в конце девяностых годов» (s. 79). Это, однако, не означало, что оба государства не извлекали выгоды из проводимой – более или менее показным образом – работы по интеграции. Об этом как раз повествуют следующие главы. В главе II автор представил сложность торгового обмена между обоими партнерами, с одной стороны строящими, после распада СССР,

собственный, отечественный рынок, а с другой – пытающимися (по разным причинам) не потерять выгоду, вытекающую из некоторых форм интеграции обеих экономик. Выражением этого было заключение 6 января 1995 г. Соглашения о создании таможенного союза, в котором автор справедливо усматривает скорее политическое, чем экономическое орудие. Для Белоруссии это означало открытость по отношению к России, а для России – необходимость примириться – во имя политических соображений – с различными методами Белоруссии. Как большинство мероприятий, осуществляемых в рамках построения общего государства, так и торговые отношения более напоминали, по мнению автора, ситуацию, когда бойцы то подкрадываются друг к другу, то вступают в поединок, чем нормальные отношения двух государств. Похожие отношения возникли в валютной сфере (глава III), когда, несмотря на стремление к учреждению общей валюты, это не только не было осуществлено, но после многократных – на протяжении более полутора десятка лет – попыток белорусский президент заявил (в январе 2007 г.), что такие действия являются покушением на независимость Белоруссии. Это приводит к тому, что размышления на данную тему приобретают скорее историческое значение.

Степень зависимости Белоруссии от ее восточного соседа показывает глава IV. По данным автора, 85-87% энергии, потребляемой Белоруссией, имеет российское происхождение. Это указывает не только на огромную зависимость Белоруссии от России в важной для каждого государства области, но также – парадоксальным образом – на огромную способность ее лидера сохранить по меньшей мере частичную политическую независимость от российского центра. Вывод, который напрашивается из этой части публикации, таков: лишь этот сектор экономики в состоянии реально повлиять на процесс установления белорусско-российского государственного союза.

Для польского читателя интересен, в особенности в контексте размещения у нас американского ракетного щита, мотив, содержащийся в главе V и касающийся российско-белорусского сотрудничества в военной области. Автор показывает первоначальные – закончившиеся неудачей – попытки построения совершенно независимых белорусских вооруженных сил. Однако, как оказалось, в белорусском обществе не было согласия на такой радикальный шаг, особенно по причине

связанных с этим экономических последствий. Произошло новое объединение армий обоих государств, в особенности сил противовоздушной обороны. Россия, кроме того, получила право на содержание в Белоруссии двух специализированных военных объектов в Барановичах и Вилейке. Как замечает автор, военные вопросы – это тот отрезок взаимоотношений, который стал – в отличие от политики и экономики – наиболее интегрированным и даже послужил в качестве аргумента в пропаганде необходимости создания единого государства.

Публикация Адама Эберхардта представляет собой интересное описание белорусско-российских отношений последних лет. Она опирается на очень богатое собрание источников (библиография насчитывает 36 страниц). Некоторые возражения вызывает, возможно, чрезмерная персонализация белорусско-российских отношений, сводимая иногда к взаимным, зачастую отягощенным личной неприязнью, отношениям двух президентов – А. Лукашенко и В. Путина (что символизирует обложка книги, представляющая их обоих на фоне красной звезды). Представляется, что реалии белорусско-российских отношений – учитывая уже упомянутый нами, но обойденный автором их социально-культурный аспект – являются более сложными. Это никоим образом, однако, не уменьшает большого значения представляемой публикации.

Анджей Гиль

**Vaclav Klaus, *Czym jest europeizm?*, Wydawnictwo Prohibita, Warszawa 2008, 94 с.**

В оптике, ориентированной на все более наднациональную интеграцию Европы, Вацлав Клаус функционирует как дежурный евроскептик, который, не моргнув глазом, торпедирует все попытки дальнейшего углубления сотрудничества. Этот политик, столь же интересный, сколь противоречивый, не боится открыто говорить о своих сомнениях по поводу будущей формы Европейского союза. Будучи политическим консерватором, экономическим либералом, он последовательно противится наднациональным планам евросоюзных лидеров, требуя «возвращения от союза к сообществу».

Рассматриваемая публикация объединяет восемь выступлений чешского президента с 2003 до 2006 г. Каждая из этих частей, предваряемых своеобразным «теоретическим введением», в котором автор устанавливает объем значения комментируемого понятия, представляет собой личную трактовку явлений, общепризнанных как переломные в новейшей истории европейской интеграции. Явный скептицизм автора не является, однако, лишь обычным критиканством – ибо он всякий раз пытается представить аргументы в защиту своей позиции.

Что же такое в этом случае тот вынесенный в заглавие европеизм, который вызывает у чешского лидера такое явное неприятие? Давая определение явлению, которое в последние годы захватило Европу, почти целиком детерминируя форму нынешнего Евросоюза и перспективы дальнейшей интеграции, Клаус обращает внимание на его гетерогенный характер. Ибо сущностью европеизма является его гибридность, внутренняя разность образующих его элементов, объединенных по принципу обратного сжатия. Именно эта неопределенность становится для автора главным детерминантом успеха рассматриваемого «конгломерата идей», так как именно благодаря этому свойству идеология европеизма может согласоваться с убеждениями и лозунгами огромного большинства фигурантов европейской политической арены (s. 13). Воплощением данной панъевропейской «метаидеологии» является Договор, учреждающий Конституцию для Европы, называемый популярно конституционным. Первым из ее показателей Клаус делает несомненную популярность модели патерналистского государства, которое, по мнению автора, является, если воспользоваться терминологией, почерпнутой у Раймонда Аарона, настоящим «опиумом для интеллектуалов». Любовь к интервенционистским методам, распространенная особенно в государствах «старого Евросоюза», для Клауса-экономиста и Клауса-сторонника экономического либерализма – явление однозначно деструктивное. Упрекая европейских лидеров в крайнем отсутствии понимания смитовской теории экономики, автор ставит прогрессирующую экспансию социального государства в один ряд с историческими случаями «централизованно планируемой экономики», указывая на отрицательные последствия такого выбора. В рассмотрении второго показателя объема значения заглавного понятия обнаруживаются взгляды автора на саму форму европейской

интеграции. Предлагая собственную систематику моделей сотрудничества, согласно которым Европа объединялась в течение минувшей половины столетия, чешский политик по сути меняет лишь прежнюю номенклатуру. Ибо предпочитаемая им «либеральная модель», предполагающая проводимое на международном уровне устранение всех барьеров между государствами-членами, ведущее также к внутренней либерализации, вызванной активизацией механизмов конкуренции, согласуется с традиционной концепцией «Европы родин». В свою очередь, вариант, названный в рассматриваемой книге «унификационным», опирается на стремление к созданию наднационального, гомогенного со всех точек зрения сообщества, а в традиционной теории интеграции исповедуется сторонниками федерализма. Принципиальное различие между двумя образцами обнаруживается не только на уровне цели, но и метода – в то время как «либералы» предполагают упрощение и сокращение списка правовых регулирований, сторонники теории унификации на практике их умножают. Здесь следует заметить, что автора нельзя упрекнуть в незнании эволюции восприятия проблемы объема регулирований, которая произошла в Сообществе на протяжении последних двадцати лет. Ибо Клаус упоминает институт т. н. директивы нового подхода, считая изменение концепции регулирований чисто теоретическим для реальной либерализации «в любой сфере человеческой деятельности» (s. 20). В ходе дальнейших размышлений чешский лидер много раз возвращается к утверждению о стремлении к чрезмерному внутреннему единообразию ЕС, считая его прямо иррациональным явлением. Для этого сторонника мира «человеческого действия» мир «человеческого планирования», как он называет представления европейских элит, является миром бессмысленным (s. 24).

Тяготение к наднациональности представляет собой для консервативного автора опасный феномен также с точки зрения национальности и, следовательно, свободы. Прогрессирующая регионализация Европы стремится к исключению национального государства как фигуранта европейской арены, чему чешский глава государства явно противится. Представляется неожиданной его оценка изменений, начатых подписанием в 1992 г. Маастрихтского договора, вводящего институт европейского гражданства. Ибо, задуманное как панацея от кризиса демократии в Сообществе, оно, по мнению

автора, способствовало дальнейшему углублению ее же дефицита. Что связывает рядового жителя континента с искусственно созданными, абстрактными евросоюзными институтами? Это наверняка не тот тип связи, который обнаруживается на национальном уровне и определяется названием «патриотизм». Выводя на сцену в качестве субъекта мистического гражданина ЕС, его сторонники перенесли точку опоры в процессах принятия коллективных решений. Последней инстанцией перестали быть национальные государства, способные, по мнению Клауса, наиболее полно представлять интересы своих граждан. Из этого убеждения вытекает также подозрительность, с которой автор относится ко всяким формам интернационализации общественной жизни. Он доказывает, что разнообразные «измы», называемые, в соответствии с нормами политической корректности, движениями за свободу, на самом деле эту свободу жесточайшим образом ограничивают. Феминизм, экологизм, гомосексуализм, мультикультурализм, как и слишком экспансивные неправительственные организации, вместо того чтобы реально представлять интересы групп, на которые ссылаются, скорее служат ограничению свободы иных взглядов. Подвергая названные явления критике с позиций традиционной либеральной теории, ведущей свое начало от Адама Смита, автор рассматриваемой публикации предостерегает от ограничения свободы и демократии во имя эфемерных высших ценностей, ссылаясь на свой исторический опыт до 1989 года (s. 65). По его мнению, граждане государств-членов Европейского союза прекрасно чувствуют опасность, которую несут с собой планы все более глубокой интеграции и, следовательно, более полной унификации. Доказательством этому может служить фиаско референдумов по поводу европейского Конституционного договора, когда граждане Франции и Голландии решили воспротивиться этим тенденциям.

Интересна критика специфически понимаемого европоцентризма, которую автор производит во время поиска источника отказа от европейской конституции. Показывая абсурдность мысли о зависимости всех изменений, происшедших на континенте с момента подписания Римских договоров в 1957 г., от коллективного фактора, он как бы мимоходом обнаруживает истинную причину поражения каждой очередной концепции улучшения Евросоюза – некритический подход к прежним процессам и завоеваниям интеграции.

Учитывая профессиональное прошлое Клауса-экономиста, следовало бы обратить внимание на оценки и прогнозы, касающиеся общей европейской валюты и экономической системы Сообщества. Ссылаясь на теорию оптимального валютного пространства, он доказывает, что введение евро было скорее результатом конкретной политической потребности, чем реального экономического расчета. Опираясь на собственный профессиональный опыт (именно Клаусу был доверен портфель министра финансов в первом чехословацком правительстве после бархатной революции, где вместе с премьером Владимиром Мечиаром он способствовал конституированию Чехии и Словакии как независимых республик), он обращает внимание на необходимость сохранения как можно более широкой гибкости экономической политики в связи с различиями в экономическом развитии, которые существуют в Европейском союзе (s. 40-46). Разочарование во все более сильной регламентации экономики и просто галопирующем протекционизме вновь звучит в главе, касающейся чешского пути к членству в ЕС. Чешский президент горько констатирует, что финализация процесса вхождения в экономические структуры объединенной Европы, происходившая в конце последнего десятилетия, по сути представляла собой обратное движение от изменений, происходивших в начале девяностых годов XX века. Свободе экономики вновь была противопоставлена модель строгого контроля сверху, фактически тормозящая развитие молодых систем Центральной Европы. Единственным заметным различием можно считать перенесение центра контроля на более высокий, наднациональный уровень (s. 83).

Рассматриваемая книга несомненно представляет собой ценность для читателя. Со взглядами автора можно полемизировать, но нельзя отказать ему в умении ярко представлять свои доводы. На без малого ста страницах Вацлав Клаус кратко излагает свою правду, ставящую его, как он сам утверждает, на позицию «человека *вчерашнего дня*». После изучения выступлений чешского президента невозможно, однако, избавиться от впечатления, что популярное убеждение в его глубоком евроскептицизме по сути является ошибочным. Клаус не отрицает ценности самой идеи интеграции, считая ее справедливой и необходимой. Протест же вызывает у него форма ее реализации, ограничивающая влияние суверенных национальных государств на решения Сообщества и, таким образом,

угрожающая их интересам. Самым тяжким грехом трансформации оптики организации чешский лидер считает отход от принципа единогласия ради все более широко используемого принципа квалифицированного большинства. Не вдаваясь в широкую полемику, заметим, что такой подход представляется по меньшей мере отчасти неудачным. Ибо, одобряя межправительственную форму сотрудничества, автор, как представляется, не замечает практических причин, которые склонили руководство ЕС к избранию именно такого пути. Постоянный застой в области принятия решений на рубеже семидесятых и восьмидесятых годов прошлого века вынудил к смягчению своей позиции даже самых непоколебимых противников федералистской концепции. Работу кумира современного чешского консерватизма стоило бы прочитать в контексте нынешних проблем с внедрением в жизнь Лиссабонского соглашения, являющегося смягченным вариантом так осуждаемого Клаусом Конституционного договора. Представителям кругов, формирующих общественное мнение, а также лицам, постоянно следящим за событиями, связанными с будущим Европейского союза, эту книгу следовало бы прочитать обязательно, ибо она позволяет понять упорство, с которым Вацлав Клаус отрицает предлагаемые еврократами изменения.

Моника Паулина Жуковска

**Adam Daniel Rotfeld (red.), *Dokąd zmierza świat?*, Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, Warszawa 2008, 580 с.**

Книга «*Dokąd zmierza świat?*» (*Куда идет мир?*) совместно написана авторами, по-разному связанными с Польским институтом международных дел (*PISM*). Она вышла к 60-й годовщине образования института, но является произведением несколько иным и рассчитана на более широкую аудиторию, чем юбилейный альбом.

Как каждый сборник статей, принадлежащих разным авторам – ученым, аналитикам, дипломатам, она обладает большинством достоинств и некоторыми недостатками именно такого жанра. Она позволяет присмотреться к миру из многих перспектив, но эти перспективы очень различны: от глубоких,

взвешенных и документально обоснованных до довольно узких, партикулярных и даже личных – вплоть до поверхностных, скорее описывающих явления, чем исследующих проблему. Это можно считать недостатком, но рассматривать также как доказательство истинно всестороннего раскрытия темы.

Тем более что авторам идеи этой книги и ее научному редактору удалось заразить всех, кто принимал участие в ее создании, общим интеллектуальным вирусом. Ибо у всех обнаруживаются симптомы одной и той же болезни: они пытаются не столько гадать на кофейной гуще, сколько описать и понять современный мир и лишь на основе такого диагноза выдвигать более или менее смелые предвидения в отношении будущего этого мира. Согласно главному тезису текста А. Д. Ротфельда, невозможно предвидеть конкретные явления или события, но можно (и нужно) прогнозировать процессы и направления развития событий. Не более, но и не менее.

Что может узнать читатель после прочтения или хотя бы беглого просмотра этой книги? Я не уверен, узнает ли он о том, куда идет мир, но прежде всего лучше его поймет и просто больше будет о нем знать.

Для меня лично самым большим достоинством этой публикации была систематизация и называние по имени явлений и фактов, зачастую всем известных, но не позволяющих однозначно вписать себя в явные тенденции или процессы. Ведь о международном праве, например, известно многое, но лишь статья Януша Симонидеса позволяет увидеть смысл в эволюции этого права. Мы много слышим – вольно или невольно – о Европейском союзе, но без шпаргалки и подсказок в этом политически окрашенном информационном шуме нелегко отделить зерна от плевел. НАТО и ООН склоняют по всем падежам, но статьи о них позволяют заглянуть за кулисы и пропагандистский фасад деятельности этих организаций. То же касается связи между безопасностью и правами человека, роли главных государственных акторов, например, Китая, на международной арене (в этой части обращает на себя внимание необычайно богато документированный текст о США) и т. д.

Данная книга вводит читателя в мир на распутье, который трудно однозначно описать и систематизировать, который ускользает от легких определений, просто в какое-то

Межвременье. Мир, в котором фундаментально меняется роль национального государства, перестающего быть самым важным субъектом международного права. В то же время принципиально меняются функции международных организаций, что, впрочем, не все авторы достаточно четко показывают в своих статьях. А ведь именно эволюция многосторонних институтов является одним из важнейших кодов для понимания современности. Динамика и масштаб изменений в международной среде не признают нерушимых организационных границ, безопасность уже невозможно обеспечить исключительно общими союзническими военными усилиями под флагом НАТО, международное право все чаще занимается наднациональными концернами с одной стороны и отдельными гражданами, лицами – с другой. Знаменательно, что практически все важнейшие международные институты и организации реформируются или по крайней мере пытаются реформироваться (ООН, ОБСЕ), расширяют членство (ЕС, НАТО) или подвергаются забвению (ЗЕС – кто о нем сегодня еще помнит?).

Это мир демократизации, глобализации и модернизации. Данные процессы должны оказать решающее влияние на формирование реалий и условий международного сотрудничества в течение ближайших 15-20 лет.

Большим неизвестным остается роль мировых сверхдержав. Все согласно предвидят рождение новых мировых лидеров – в этом контексте чаще всего называются Китай, Индия, Бразилия. А. Д. Ротфельд предполагает, что США будут постепенно все более себя ограничивать, предоставляя возможность вопросам, менее существенным для их национальных интересов, решаться без их участия. Х. Шляйфер пишет о долговременном процессе пересмотра лидерства Соединенных Штатов и возможности американского лидерства, сконцентрированного на стратегии «глобалистской внешней политики».

Общим знаменателем всех прогнозов является предположение, что отношения между главными сверхдержавами мира изменятся, а экономический блеск таких нынешних звезд, как США, Европа и Япония, будет угасать. Это может означать, что бледнеющие звезды станут замыкаться в собственных созвездиях, концентрируясь на своем благосостоянии и спокойствии. Однако это привело бы к углублению пропасти между анклавами богатства и бедностью и безысходностью в других частях мира, например, в Африке (у которой еще есть шансы

вырваться из нищеты), что скорее не послужит стабильности и предсказуемости международного положения.

Число слабых и падших государств, неспособных контролировать ситуацию на своих собственных территориях, должно, по мнению авторов, скорее увеличиваться, чем уменьшаться. И так, как это происходит сейчас, они станут одним из главных источников угрозы международной безопасности, особенно как рассадник терроризма и террористов разных мастей. А ведь именно терроризм, кроме, в частности, распространения оружия массового поражения, остается одной из главных угроз для будущих поколений.

В этом контексте следовало бы привести тезис Романа Кузьняра об изменяющихся отношениях между безопасностью и правами человека. По его мнению, времена, когда соблюдение прав человека рассматривалось прежде всего как метод укрепления безопасности, заканчиваются. В будущем надо скорее считаться с тенденциями к ограничению прав человека во имя «высших целей», т. е. обеспечения безопасности всем гражданам, например, посредством совершенствования механизма контроля и мониторинга действий личности, ограничения сферы приватности и т. д. Тот же автор ставит вопросительный знак при утверждении Иммануила Канта, что демократии по своей природе не развязывают наступательных войн, указывая на интервенцию США в Ираке. Станет ли это новым явлением в будущем мире?

Здесь невозможно рассмотреть все темы и проблемы насчитывающей более 500 страниц книги. Подчеркиваю: книги, а не пресловутого академического «кирпича», потому что, хотя «*Dokąd zmierza świat?*» не является детективом, это вещь, которую можно почитать и над которой можно подумать.

Что касается содержания – подчеркну еще, что, по согласному мнению авторов, Европейский союз будет одним из главных акторов на международной арене в будущем. Если использует свой шанс и не погрязнет во внутренних разногласиях, от чего справедливо предостерегает Ян Барч.

А о подлинной содержательной всесторонности книги свидетельствует тот факт, что в ней есть также главы, посвященные теме защиты окружающей среды, усложняющейся проблеме контроля над вооружениями и разоружением (для этих процессов якобы должно было прийти золотое время после окончания холодной войны), глобальному терроризму, разным регионам мира и главным государственным акторам

(кроме США и восходящих сверхдержав – России, Германии, Франции), распространению ядерного оружия и т. д.

В заключение хочется сказать, что это ценная, интересная, стоящая на высоком интеллектуальном уровне книга. Не все ее главы одинаково захватывают. Как во всякой мозаике, есть стеклышки разного цвета и разной формы, но они складываются в целое. Возможно, некоторые элементы этого целого на мой вкус являются слишком теоретизированными, избегают трудных прогнозов, предпочитая более легкое описание современного состояния мира, уходя даже порой от постановки диагнозов. Однако все профессионально выстроены и написаны. Возможно, немного (но только немного...) не хватает более всестороннего, комплексного взгляда в будущее мира – такого, как во введении А. Д. Ротфельда. Но, скорее всего, таков был замысел – представить мозаику различных фрагментарных перспектив и «частичных» прогнозов.

Из этой книги на самом деле можно многому научиться и многое узнать. Она пригодится как специалистам по международной проблематике, так и лицам, желающим просто расширить свои мыслительные горизонты. В данном случае они могут это сделать, используя лучшие источники.

Я лишь не уверен, отвечает ли публикация на вопрос, вынесенный в заголовок. Но была ли у авторов такая цель? Книга наверняка помогает лучше понять современный мир и происходящие в нем процессы, в том числе те, которые еще находятся в пресловутых пеленках. А ведь это первый, самый трудный шаг в направлении достоверного предвидения будущего. Разве что кто-нибудь предпочитает обратиться к гадалке...